Моей жене Оле,
без поддержки и помощи которой
эта книга вряд ли была бы написана

Глава 1
Роль этики в жизни общества и государства

1. Моральные ценности — «спасательный круг» в меняющемся мире: религиозный и светский подходы

Как известно, конец первого тысячелетия новой эры был отмечен в христианском мире напряженным массовым ожиданием конца света. Тысячу лет спустя такие эсхатологические чувства особой популярностью не пользуются. За истекшие десять веков человечество пережило множество масштабных катастроф, «привыкло», насколько это в принципе возможно, жить в стрессовых ситуациях и, несомненно, стало мудрее. Да и вообще, субъективное восприятие разного рода перемен как опасности для устоявшегося порядка вещей было присуще едва ли не каждому поколению, начиная с Нового времени. Выражение «О времена! О нравы!» в тех или иных вариациях стало почти дежурным рефреном ламентаций консерваторов за пару прошедших веков.

И все же ситуация последних десятилетий минувшего и особенно первых лет нового тысячелетия, думается, отличается от предыдущих. Никогда еще в человеческой истории практически одновременно не происходило такого количества кардинальных перемен в самых разных

сферах жизни. При этом перемены затрагивают основы жизни большей части человечества, самым невероятным образом переплетаясь с ранее устоявшимися, привычными моделями и стилями поведения и мышления. Тот «шок от столкновения с будущим», о котором 35 лет назад предупреждали американский социолог Дэниэл Белл и — в другой форме — Римский клуб, наступил. И реакция на него людей в различных регионах планеты и даже на уровне отдельных индивидов оказалась далеко не однозначной и уж во всяком случае далекой от оптимистических ожиданий технократов и иных сциентистов. Многие мудрые люди говорят о системном кризисе современной цивилизации. Правда, при этом в понятие кризиса совершенно не обязательно вкладывают некий катастрофический смысл, а рассматривают его как этап болезненного перехода на некий иной уровень цивилизации. Но так или иначе — речь идет о переломном времени. Впрочем, оставим эту глобальную тему философам и культурологам (несмотря на то что они часто рассуждают на сей счет довольно поверхностно, а порой и безответственно) и перейдем к нашим собственным сюжетам.

Итак, один из симптомов нынешнего переходного времени — серьезный пересмотр отношения людей (причем не столько так называемой *элиты,* сколько самых широких масс), к существующим политико-государственным институтам, к обязанностям тех, кто принимает на себя роль политика или государственного деятеля. В политическом плане это — сдвиг от «демократии доверия» к «демократии участия и контроля».

Параллельно происходит значительное повышение внимания к ценностным императивам и регуляторам поведения людей, особенно должностных лиц. Разумеется, это не означает какого-либо пренебрежения к регуляторам правовым. Речь идет об их усилении более фундаментальным компонентом. Проявляется это как в религиозном, так и в секулярном пластах сознания и интеллектуальных поисков. Рассмотрим эту дилемму на материале христианских источников.

Так, в православном теологическом контексте известный церковный писатель протоиерей Александр Борисов, анализируя послание апостола Павла Римлянам, трактует закон как необходимую, но лишь первую стадию на пути человека к внутреннему совершенствованию, ибо закон сам по себе не может изменить греховные склонности человека, «не обладает властью освободить человека от диктатуры греха»[1]. «Закон свят, но он не может помочь уйти от греха. Закон лишь великое приготовление, и когда пришло то, к чему закон готовил человека, то закон уступает свое место»[2]. Следующий шаг — постижение «закона внутреннего человека, который соглашается с Богом, который меня любит»[3]. В сущности, близко трактуют взгляд Павла и представители других христианских деноминаций. Вот, например: «Христианин должен быть самодисциплинированным человеком, жить жизнью более совершенной, чем требовал того Закон... Хотя Павел не требовал от христианина жизни по Закону, он ожидал от христианина праведности, превосходящей Закон»[4].

«Когда человек принимает решения на основании закона, он спрашивает себя: "Есть ли закон, запрещающий это?" Если такого закона нет, скорее всего, действие не противозаконно. Поскольку Павел настаивал на том, что "мы не под законом, но под благодатию", некоторые люди говорили, что совершенно не важно, какие нравственные действия человек совершает, любое поведение допустимо. Их взгляды можно обобщить фразой "Все мне позволительно". Павел же предлагал другое руководство к жизни: "Но не все полезно". (1-е послание Коринфянам. 6:12). Таким образом, мы должны задаваться вопросом: "К каким добрым результатам приведут мои действия"»[5].

---

1 *Борисов А.* Добро и зло в нашей жизни. М., 2004. С. 224.
2 Там же.
3 Там же. С. 226.
4 *Крук Р.* Основы христианской этики. М., 2004. С. 105.
5 Там же. С. 101.

К тому же неисполнение закона правового, как правило, предполагает применение к нарушителю наказания в той или иной форме, тогда как следование закону нравственному обеспечивается совсем иными механизмами. Еще в конце IV в. Августин Блаженный писал в сочинении «Дух и буква»: «Заповедям Божьим подчиняются не из страха, а из желания сделаться праведными. Если заповедь исполняется из страха наказания, то тогда она исполняется рабски, а не свободно, и, стало быть, не исполняется совсем»[6]. По существу, мне кажется, речь здесь идет о кантовском *«внутреннем нравственном законе».*

В рамках западных церквей ярким примером в этом отношении для меня служит фигура и духовная трансформация Чарлза Колсона — бывшего советника президента Никсона. Большую часть своей жизни он был достаточно прагматичным и даже циничным политиком, достиг «степеней известных», оказался замешан в Уотергейтском скандале, был осужден судом, провел семь месяцев в тюрьме, а после этого в корне пересмотрел свою прежнюю жизнь и целиком посвятил себя попыткам соединить политические «правила игры» с нормами христианской нравственности. В одной из своих книг он, оперируя обширным историческим и современным материалом, показал четкую зависимость между усилением роли религиозных ценностей и укреплением общественного правопорядка, в частности, на примере движения религиозного возрождения в Америке начала XX в. Там же он убежденно говорит о ведущей роли нравственных ценностей в конфликте личности и государства: «Церковь — главный институт, чей нравственный авторитет позволяет играть связующую роль между личностью и государством, институт, который обязывает государство исполнять свой долг по отношению к личности... достигнутое общественное согласие в большой степени обязано опоре

---

[6] Цит. по: *Графский В.Г.* История политических и правовых учений. М., 2005. С. 183.

на трансцендентные ценности. Когда государство забывает об этих ценностях или открыто попирает их, оно, по существу, нарушает договор со своими согражданами[7].

По сути, о том же размышлял примерно в те же годы знаменитый Мартин Лютер Кинг. В своей работе «Письмо из городской тюрьмы Бирмингема», написанной в 1963 г., он призывал христиан повиноваться лишь справедливым законам и не подчиняться законам несправедливым, разделяя их следующим образом: «Справедливый закон — это созданный человеком кодекс, который соответствует моральным законам или закону Бога. Несправедливый закон — это положение, которое идет вразрез с законами нравственности»[8]. Таким образом, Кинг ставил нравственность выше права. Правда, в данном конкретном случае он имел в виду законы о расовой сегрегации, но, думается, эту сентенцию можно распространить и на более широкий круг явлений.

Следует отметить, что сейчас в США, при широчайшем церковном плюрализме и различии в трактовках способов применимости христианских заповедей, в практической жизни преобладает релятивистско-прагматический подход, призывающий «проявлять реализм в оценке человеческой природы» и предоставляющий человеку право «действовать по ситуации», в том числе и в плане соблюдения заповедей. Возможно, такой прагматизм в большей степени отвечает жизненным реалиям, но в то же время тут просматривается своего рода «индульгенция», как бы оправдывающая нарушение норм «по усмотрению». Между тем известно, что психика человека весьма изобретательна в поисках оправданий собственных дурных поступков и даже тяжких преступлений ссылками на «особые обстоятельства»; этому служит система так называемых защитных механизмов. Лично для меня вдохновляющим образцом служения возрождению и укреплению хрис-

---

[7] *Колсон Ч.* Конфликт царств. М., 1996. С. 270.

[8] Цит. по: *Крук Р.* Основы христианской этики. С. 198.

тианских нравственных ценностей в современном мире представляются личность и деятельность Папы Иоанна Павла II, все последние годы земной жизни которого, помимо прочего, были чудесным подтверждением приоритета великого Духа над немощной плотью.

На мой взгляд, глубоко христианским по своей сути (конечно, если иметь в виду не историческую практику разных церквей, а фундаментальную сущность христианства) является и мировоззрение социального альтруизма. Оно дополняет светскую либеральную доктрину очень важными элементами и лежит в основе подлинной, бескорыстной благотворительности, помощи жертвам стихийных катастроф и социальных конфликтов, да и просто помощи одного человека другому. Массовый характер действий и поступков такого рода доказывает, что это отнюдь не прекраснодушная утопия, а вполне реалистический подход к мотивам человеческого поведения. Мы вообще почему-то склонны придавать универсальный характер вульгарному социал-дарвинизму, полагая борьбу за существование ведущей движущей силой развития. Не отвлекаясь на дискуссию по этому очень важному, но лежащему несколько в стороне от нашей основной темы вопросу, скажу лишь, что в свое время как бы по контрасту на меня произвела большое впечатление книга П.А. Кропоткина «Взаимопомощь как фактор эволюции»[9]. Думается, ее название достаточно ясно говорит о позиции автора.

И все же, уважая и разделяя как индивид религиозный подход к проблеме, я, однако, по ряду причин не склонен полностью полагаться на него, тем более применительно к рассматриваемому в книге достаточно специфическому кругу вопросов. К тому же сходное в ценностном отношении движение наблюдается и в секулярном, в том числе политическом, мире. В политике и администрировании одними заповедями не обойтись. Их следует наполнить конкретным, приложимым к данной сфере

---

[9] *Kropotkin P.A.* Mutual Help as a Factor of Evolution. L., 1911.

содержанием. К тому же существует некоторое объективное если не противоречие, то несоответствие между христианскими заповедями и императивами поведения в их абсолютном, предельном смысле и неизбежно более прагматичным этосом политики. Например, евангельскую максиму непротивления злу насилием (равно как и ее индуистский аналог — ахимсу) на практике часто нелегко совместить с моральным долгом политика — прямо и в случае необходимости с использованием насилия противостоять очевидному и опасному для граждан и общества злу. Понимаемая в абсолютном смысле, эта максима входит в противоречие с *моральной ответственностью* политика. История человечества многократно подтверждала этот этический парадокс. И он далеко не единственный. С моей точки зрения, такие несоответствия не носят антагонистического характера, но их игнорирование было бы прекраснодушием, обрекающим добро на поражение. Как писал еще в начале XX в. Макс Вебер, «гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви, в том числе и христианским Богом в его церковном проявлении, — напряжении, которое в любой момент может разразиться непримиримым конфликтом... Ибо все это, достигнутое *политическим* действованием, которое использует насильственные средства и работает в духе этики ответственности, угрожает "спасению души". Но если в борьбе за веру к политическому действованию будут стремиться при помощи чистой этики убеждения, тогда ему может быть нанесен ущерб и оно окажется дискредитированным на много поколений вперед, так как здесь нет ответственности за *последствия.* Ибо тогда действующий не осознает тех дьявольских сил, которые вступили в игру. Они неумолимы и создают для его действования, а также для его собственной внутренней жизни такие следствия, перед которыми он оказывается совершенно беспомощным, если он их не видит. "Ведь черт-то стар"»[10]. При этом

[10] *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990. С. 704.

Вебер отнюдь не отрицает необходимость этики как в политике, так и в администрировании. В той же работе он, в частности, подчеркивал факт «развития и превращения современного чиновничества в... высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства»[11]. И еще он отмечал, что отношение к власти не как к самоцели, а всего лишь как к необходимому средству профессиональной миссии — так называемый инстинкт власти — пребывает вполне в границах нравственно-психологической нормы.

С тех пор многое в нашей жизни изменилось, и это не могло не сказаться, в частности, на государственной службе. И хотя значительная часть веберовских позиций не потеряла своей актуальности, последние десятилетия принесли существенные перемены. Некоторые даже называют их «административной (или постбюрократической) революцией», хотя, с моей точки зрения, для столь претенциозных деклараций оснований пока явно недостаточно. Тем не менее можно констатировать, что бюрократии большинства западных стран уже вступили в поствеберовскую эпоху. Они стали гораздо более подконтрольны обществу, прозрачны в своей деятельности, а сама государственная служба в значительной мере утратила кастовый характер пожизненной профессии и лишилась большинства из ранее существовавших привилегий[12]. Одной из наиболее важных перемен, как уже говорилось, представляется заметное повышение внимания к ее этическим аспектам.

---

[11] *Вебер М.* Указ. соч. С. 657.

[12] Подробнее см.: *Оболонский А.В.* Бюрократия для XXI века? Новые модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия. М., 2002; Государственное управление: учеб. пособие / Отв.ред. А. В. Оболонский. М., 2000.

2. Политика и мораль: два взгляда

Долгое время господствующей нормой политического мышления и практики была идеология маккиавеллизма, в рамках которой политика и мораль рассматривались как вещи несовместные. Однако в XX веке, особенно во второй его половине, эта идеология в значительной мере исчерпала свой потенциал и моральное «оправдание». После того как политика стала публичной, народ постепенно осознал свое право и обязанность непосредственно участвовать в ней, и политика постепенно возвращается к своей изначальной сути — в ее аристотелевском понимании.

Аристотель «видел в политике продолжение этики, своего рода развернутую этику, этику in concreto, и в то же время рассматривал саму этику как высшую политическую науку»[13]. В сущности, ту же мысль проводил выдающийся социальный философ XX в. Исайя Берлин, полагая, что политическая философия есть «не что иное, как этика в применении к обществу»[14], и тем самым подчеркивая важность и фундаментальный характер этических начал общественной жизни.

Да, собственно, едва ли не в каждой исторической эпохе можно найти подтверждения существования «антимаккиа-веллиевского», морального взгляда на политику. Так, еще Августин писал в своем самом знаменитом труде «О граде Божием»: «При отсутствии справедливости (или «правосудия», если иначе перевести слово justicia. — *А. О.),* что такое государства, как не большие разбойничьи шайки, так как сами разбойничьи шайки, что такое как не государства в миниатюре?»[15]. По свидетельству выдающегося французского исследователя эпохи феодализма Марка Блока, в Средние века «в Германии повсеместно, даже на площадях и

---

[13] *Гусейнов А.А.* Мораль и политика: уроки Аристотеля // Ведомости. Вып. 24. Политическая этика: социокультурный контекст. Тюмень, 2004. С. 106.

[14] *Берлин И.* Философия свободы. М., 2001. С. 8.

[15] Цит. по: *Графский В.Г.* Указ. соч. С. 185.

в трактирах, читали или по крайней мере просили переводить сочинения, где еще разгоряченные жаркими спорами церковники рассуждали на все лады о целях государства, о правах королей, их народов или пап. Другие страны не были до такой степени захвачены полемикой. Однако повсюду она оказывала свое действие. Отныне дела человеческие стали в большей мере, чем прежде, предметом для размышления»[16]. А с XV в., с начала эпохи гуманизма, «моральная философия» стала не только фактором общественной рефлексии, но и элементом системы образования в рамках так называемых наук о человеческом (studia humanitatis).

Если взглянуть на страны с подлинно демократической политической культурой и традицией в современную, «постмаккиавеллиевскую» эпоху, то очевидно, что политико-государственная практика, политический класс (не могу всерьез произносить столь модное ныне и, главное, часто произносимое без капли самоиронии выражение «политическая элита») были вынуждены отреагировать на это изменение в самосознании общества. Например, в США первый Кодекс этики правительственной службы появился еще в 1958 г., правда, сначала в форме резолюции Конгресса; а с конца 1970-х гг. этические начала государственной жизни становятся объектом достаточно жесткого социального контроля и регламентации, в том числе и на законодательном уровне. Было признано, что жизнеспособность и легитимность политической системы страны во многом зависят от того, насколько государственные институты и высшие должностные лица отвечают господствующим в обществе ценностям и идеалам, а их поведение соответствует нормам общественной морали[17]. Отсюда — и внимание к *этическим кодексам* (эти своды норм, определяющие стандарты поведения, могут иметь разные названия) во всех ветвях власти западных стран, о чем мы будем подробно говорить ниже.

---

[16] *Блок М.* Феодальное общество // Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 158.

[17] Подробнее см.: *Оболонский А.В.* Бюрократия для XXI века? С. 120-124,160-161.

В России же в силу трагических особенностей ее истории (не говоря уж о снова вошедших в моду политиканских спекуляциях на специфике нашей якобы уникальной ментальности) процесс этот, к сожалению, по меньшей мере, запаздывает. Это связано и с современными, и с историческими обстоятельствами. Начнем с современных как более близких.

В постсоветские годы, осваивая новую для ныне живущих поколений алгебру жестких рыночных отношений, мы как-то подзабыли о внеэкономических, моральных мотивах человеческого поведения. Но уродливые реалии жизни со всей наглядностью продемонстрировали последствия подобной однобокости, нашедшие, в частности, отражение в расцвете бюрократического произвола и коррупции. Сегодня решить проблему их ограничения невозможно, не предъявив самых серьезых требований к моральным качествам чиновничества, не сосредоточившись на вопросах административной морали.

К тому же следует учитывать, что те объективные изменения в госслужбе, которые происходят во всем мире и нацелены на повышение ее эффективности и дебюрократизацию посредством принятия на вооружение методов деятельности, используемых в частном менеджменте (так называемый new public management), расширение ее сотрудничества с частным сектором, несут в себе и определенные опасности. Так, заметно расширяется «серая зона» — сфера личного усмотрения служащих на грани закона. В связи с этим становится все более значимой моральная сторона их деятельности. Технологически и методически сближаясь с коммерческими структурами, *госслужба не должна утратить свою специфику, качественно отличающую ее от других организаций и общественных институтов. Специфика эта — в ее обязанности служить интересам граждан и другим общественным интересам, а не «начальству» или отдельным промышленно-финансовым группам (впрочем, одно отнюдь не исключает другого)*. В случае невыполнения госслужбой этой основной функции ее неизбежно захлестывает вал коррупции и прочих злоупотреблений, связанных с возможностью торговать от

имени государства влиянием, разного рода экономическими и административными ресурсами.

Помимо этого есть еще и собственно политическая (не путать с политиканской) необходимость резко повысить внимание к моральному аспекту госслужбы. Она обусловлена серьезным и опасным в условиях даже ограниченной демократии падением уровня доверия населения к чиновничеству. Хотя тотальное недоверие к чиновникам справедливо лишь отчасти и во многом связано с более общими причинами — кризисом доверия почти ко всем государственным институтам, а также с возросшими требованиями и политическими ожиданиями граждан, игнорировать последнее обстоятельство было бы непростительной политической слепотой.

Во-первых, *доверие граждан — одна из фундаментальных основ демократии.* И не только демократии. Ведь советский строй далеко не в последнюю очередь рухнул из-за того, что полностью исчерпал ресурс доверия граждан. Другое дело — последующее драматическое развитие событий, когда под прикрытием сладкозвучной демократической риторики в значительное мере произошла «ре-приватизация государства», отчасти новыми людьми, отчасти — прежней номенклатурой. Как отмечал С.А. Ковалев, «в 1991 г. режим выпустил новые краткосрочные облигации под заманчивыми названиями: "демократия", "права человека", "законность", "процветание" и т.п. Фишки эти были, увы, плохо обеспечены твердой валютой права и золотом действий. И по истечении семи лет пирамида доверия, выстроенная режимом, рухнула»[18]. Можно поспорить с Сергеем Адамовичем относительно деталей — сроков, дат, степени искренности тех, кто, по его мнению, печатал «облигации», степени готовности тех, кому они предназначались, правильно распорядиться ими и т.п. Но главное очевидно: люди поверили в демократию, а их снова обманули. И этот кризис доверия, распространившийся на демократические институты, — может быть,

---

[18] *Ковалев С.А.* Прагматика политического идеализма. М., 1999. С. 228.

ключевая драма нашего времени, базовая причина многих сегодняшних проблем и удручающих политических «гримас» наших дней.

А во-вторых, люди, как известно, во многом живут в мире своих субъективных представлений о жизни, в том числе о власти, которая в демократическом обществе обязана стремиться к тому, чтобы улучшить эти представления, во всяком случае, чтобы на то были реальные основания. Поэтому моральный аспект поведения государственных служащих очень важен и с точки зрения публичной политики.

И еще один момент: компьютерно-электронная революция, беспрецедентно расширив наши возможности, одновременно породила и новые проблемы, усложнила наш мир. В частности, поскольку многие рутинные операции и даже сложные интеллектуальные задачи «отданы» роботам и компьютерам, за человеком остается нравственная ответственность за выбор решений, за принятие либо отвержение предлагаемых умными машинами вариантов. По-моему, не только бесперспективно, но даже опасно пытаться вносить в машинное программирование связанные с моралью критерии. На заре эры роботов один из фантастов предлагал ввести в качестве «первого правила роботехники» принцип абсолютного запрета на нанесение вреда человеку. Однако сейчас очевидно, что подобные «простые» решения не «работают». Сами этические дилеммы бесконечно усложнились. И решать их, кроме человека, некому. Как предвидел еще лет двадцать назад Д.С. Лихачев, «на человека ляжет тяжелейшая и сложнейшая задача быть человеком... нравственно отвечающим за все, что происходит в век машин и роботов»[19].

Первыми практическими шагами в решении проблем, о которых идет речь, представляются разработка, широкое обсуждение и внедрение в аппарат *этического кодекса (кодекса поведения)* служащего, что предусмотрено Федеральной программой реформирования государственной службы, утвержденной Президентом РФ в конце 2002 г.

---

[19] *Лихачев Д. С.* Письма о добром и прекрасном. М., 1989. С. 106.

Думается, должно быть несколько таких кодексов, как содержащих единые для всех нормы, так и учитывающих специфику должностей разного уровня, разных сфер деятельности, а возможно, и региональную специфику. Ведь очевидно, что ряд действий людей, в том числе и чинов-пиков, по своей природе гораздо эффективнее регулируются не юридическими, а неформальными нормами групповой (в данном случае — административной) морали и нормами индивидуальной нравственности. Профессиональная этика госслужащего, как, впрочем, и любая корпоративная этика, обладает существенной спецификой. Между тем многие чиновники имеют о ней весьма смутное либо искаженное представление или относятся к ней с пренебрежением. Те же, кто всерьез стремится руководствоваться нормами служебной морали (а таких людей в аппарате, поверьте, немало), вынуждены методом проб и ошибок вырабатывать своего рода индивидуальную версию этического кодекса. Поэтому представляется крайне важным разработать такой документ, который бы задавал систему нравственных ориентиров, давал бы рекомендации по поведению в щекотливых ситуациях, ясно обозначал бы область нравственных табу для служащего. Прежде всего сказанное касается сферы конфликта интересов — наиболее типичной и острой в этом отношении проблемы, но ею не исчерпывается. И, разумеется, необходимо создать особый механизм контроля за соблюдением этических норм, достаточно тонкий и учитывающий специфику именно морального регулирования поведения. Наше изучение как зарубежного, так и отечественного опыта показывает, что даже сам факт возникновения такого документа и его обсуждения в административных коллективах послужил бы повышению уровня административной морали, в чем наш аппарат сегодня так нуждается. Выражаясь высоким, но, полагаю, в данном случае уместным стилем, дух «общественного служения» должен лечь в основу кодексов политической и административной этики. А в более общем плане именно этика есть сердце демократии.